Текст · 10 сентября 2024, 13:11
Елизавета Нестерова,

«Дали собрать вещи — сказали, на пару дней». Рассказ Нины Слободчиковой, осужденной на 12 лет за перевод 5 тысяч рублей в Украину

Меня зовут Нина Слободчикова, мне 37 лет. В СИЗО я нахожусь с 3 марта 2023 года. До мая 2024-го я содержалась в СИЗО-2 («Лефортово»), сейчас я в СИЗО-6[1].

Я консультант в *IT*-сфере. С 2008 года автоматизировала бухгалтерский и налоговый учет на крупных предприятиях, а если проще — настраивала для компаний систему *SAP*[2].

Последние годы до задержания была руководителем направления автоматизации налогового учета в крупном российском производственном холдинге — работала напрямую с ФНС, надеясь даже после начала войны что-то улучшить, как-то повлиять на налоговое законодательство. Я любила свою работу и видела в ней смысл, особенно в последние годы.

Фото: Нина Слободчикова / Instagram

Украину я с детства воспринимаю как вторую Родину, моя мама — уроженка Херсонской области. Там проживали все родственники по маминой линии до известных событий, там же я пошла в первый класс. В 1993 году мы переехали в Новосибирскую область к маме отца, которой нужна была помощь, но связь с Украиной всегда оставалась очень тесной.

Страх, ужас, стыд и беспомощность — это основные чувства первых дней. Еще помню, как вышла гулять с собакой: на улице было пустынно и очень-очень тихо. Мне казалось, что вся природа, все люди вокруг в таком же шоке, что и я.

Задержание

Задержали меня в пятницу — 3 марта 2023 года. Вечером я должна была улетать в Новосибирск в гости к сестре. А так это был обычный рабочий день в удаленном формате. У меня начался рабочий созвон для обсуждения командировки в Бельгию, которая планировалась в середине марта. Раздался звонок в дверь, я отключила видео и звук конференции, открыла дверь, не посмотрев в глазок, а там толпа мужчин в масках и с оружием. Я сначала подумала, это к соседям, звонком просто ошиблись. Оказалось, не ошиблись.

Не помню, как оказалась сидящей на кухне. Уже там отняли телефон, заставили разблокировать. Один из оперативников снимал все на свой телефон, несколько раз задавал вопрос: «Вы знаете, за что вас задержали?». Я в первый раз ответила: «Нет, а меня что, задержали?». Они все засмеялись.

Сейчас над такой глупостью я тоже могу посмеяться, но тогда было страшно. Обращались со мной зло и грубо, на «ты», несмотря на мои замечания. Но дали собрать вещи — сказали, на пару дней. Только в машине уже сказали, за что задержали: «Ну что, Нина Михайловна, помните, 5 тысяч переводили?». Я чуть не засмеялась в голос, думала, шутят: около десяти человек в полной амуниции с тараном для выбивания двери ворвались ко мне из-за перевода в 5 тысяч рублей?! Разве может это быть на полном серьезе?

Следователь потом обижался, если я говорила, что жесткое задержание было. Говорил: «Вас даже на пол не ложили». Так-то я согласна, с учетом того, как поступают с другими — со мной обходились «вежливо».

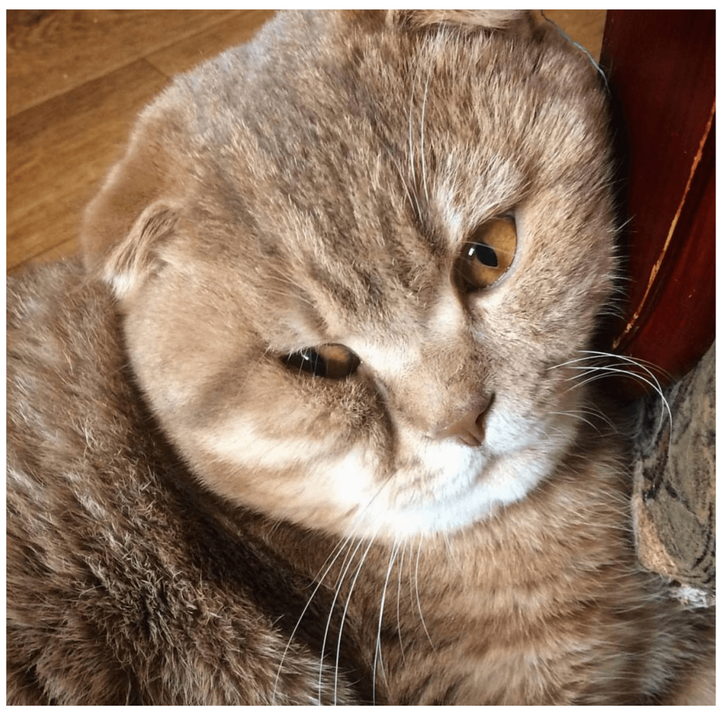

Фото: Нина Слободчикова / Instagram

Мое дело вел первый отдел СУ[3] ФСБ. Считаю,

что отсутствие угроз расправы на физическом уровне не равно отсутствию давления. Недопуск адвоката, нанятого друзьями, неотправка писем, угроза недопуска родных в незаконно опечатанную квартиру, обещание дополнительных уголовных дел и много чего еще по мелочи.

В результате всего этого с учетом полной изоляции ото всех у меня было ощущение полного своего бесправия и зависимости от следователя. Например, считаю, что ФСБ украли моего породистого серого вислоухого кота под прикрытием заботы о нем. Они привозили его в следственное управление в день задержания. Сказали, не могут оставить его одного в пустой квартире, и обещали отдать по моему заявлению родственникам или друзьям. Но слово свое не сдержали.

Обвинение

Меня обвиняют в том, что на переведенные мною в апреле 2023 года на карту Сбербанка, принадлежащую украинской блогерке, 5 тысяч рублей «была приобретена амуниция и обмундирование для ВСУ», что нанесло ущерб безопасности Российской Федерации.

Дело завели через 10 месяцев после перевода денег. Якобы потому, что на меня был оформлен билет в Бельгию через Стамбул. Тот март у меня должен был быть отличным месяцем: Москва — Новосибирск — Красноярск — Москва — Стамбул — Бельгия — Бразилия — Москва. В этом маршруте все, кроме Москвы и Новосибирска, связано с рабочими командировками. В деле так и написано: «Слободчикова в день задержания планировала вылететь в Новосибирск в целью скрыться в странах ЕС». Ну да, все же всегда летают в Европу через Сибирь! И в сюжете по федеральным каналам сказано, что задержали меня при попытке уехать за границу.

В общем, не могут они позволить скрыться такой опасной преступнице в недружественных странах.

Но у меня есть предположение, которое я пока не могу подтвердить. Уголовное дело на меня завели 2 марта 2023 года. А 28 февраля того же года Путин выступил перед ФСБ со словами: «Нужно выявлять и пресекать противозаконную деятельность тех, кто пытается расколоть, ослабить наше общество». Вот и ринулись эти верные сыны отечества отчитываться.

А почему я? Из материалов дела я знаю, что доноса именно на меня не было. Но есть интуиция, у которой вопросы в этом месте. Только задать их некому, как и некому дать честные ответы. Думаю, что есть какая-то причина, по которой я стала одной из первых, по словам моего следователя, кому предъявили обвинение за финансирование ВСУ.

А деньги я перевела, потому что не могла не перевести. На тот момент это единственное, как мне казалось, что я могу сделать, чтобы справиться с беспомощностью и чувством вины. Из-за плохого физического и психологического состояния не могла придумать другой способ. Этот перевод я воспринимала как гуманитарную помощь. Я понимала — последствия могут быть, если ситуация будет ухудшаться. Но полагала, что все ограничится штрафом. Дела о госизмене и срока 12 лет я, конечно, не ждала.

Суд

Все судебные заседания, начиная с тех, где мне избирали меру пресечения, для меня

характеризуются словом «цирк», причем без зрителей, потому что все заседания были закрытые, поскольку материалы моего дела якобы содержат гостайну.

У меня есть к судьям вопрос: как давно они перечитывали российское законодательство? Очень много нарушений и полное отсутствие объективности. Только после судебного расследования[4] я призналась себе: меня судят из-за моих взглядов на происходящее.

Когда выносили приговор, я чувствовала злость, даже ярость. Я еще после первого допроса знала, что срок будет большой. Мне был абсолютно понятен настрой и мнение судей обо мне. Поэтому ко дню приговора все слезы уже были выплаканы и ужас по мере сил пережит, я была готова. Когда зачитывали приговор, никто из тройки судей Мосгорсуда на меня даже не взглянул. По одному из них было понятно, что приговором он недоволен, но вряд ли он сильно меня защищал.

Не могу только отделаться от навязчивого вопроса: вот приговорили они меня к 12 годам, и что дальше? Пошли выпивать и поздравлять друг друга с удачно завершенной работой, с новой премией? Как после таких решений люди продолжают существовать?

Я считаю, что и с точки зрения законодательства моя вина не доказана, и по-человечески моя совесть чиста. Но тогда, в марте 2023 года, я очень испугалась, что срок будет 20 лет и выйду я 56-летней никому не нужной старухой. И еще я поверила следователю, что я правда нарушила закон, и с меня

не снимало ответственность, что я воспринимала это как гуманитарную помощь. Тогда мне это показалось логичным.

Это была неформальная договоренность: я признаю вину и не предаю дело гласности в СМИ, а следователь не усложняет мой быт, не препятствует общению с родными и помогает добиться срока поменьше. Я верила в эту сделку почти до самого приговора.

Поддержка

Я внутренне разделяю для себя своих «коллег»-политзаключенных на две категории. Первые — кто был готов к преследованию или думал, что готов. Это люди, которые громко и четко заявляют о своей позиции. Этим людям мои советы не нужны, они и сами все понимают. Мне им хочется сказать спасибо за смелость и, пожалуйста, не сдавайтесь! Не разрешайте даже на секунду проникать в вашу голову мысли, что все это не имеет смысла.

Вторые — кто попал в этот исторический водоворот по воле случая, потому что сохранил в себе человечность и не боялся видеть правду. Им хочется все же посоветовать: не верьте в то, что вы сделали хоть что-то плохое. Держитесь! Все заканчивается. И мы еще устроим шумный праздник на наших улицах.

По большей части мне все же удается сохранить позитивный настрой. Я верю, что весь этот мрак закончится — мы сами не заметим, как и когда. Просто потом, оглядываясь назад, мы поймем: ту самую темную ночь перед долгожданным рассветом мы уже

пережили. А значит, сейчас важно одно — сохранить себя, чтобы потом были силы на отстраивание жизни.

Поэтому никакого уныния дольше часа! И дальше делать что-то приятное, полезное. У меня это книги, медитация, обучение чему-то новому, что-то творческое.

Я ощущаю поддержку многих. Знаю, что есть люди, которые не пишут, не передают приветы, но помогают. Есть незнакомые люди, которые пишут слова поддержки и помогают. С некоторыми сложилась теплая переписка. Мне кажется, многие старые друзья и коллеги переживают, но по разным причинам не готовы выразить это. Я это понимаю и принимаю, учитывая специфику моего дела и происходящего в стране.

Самые близкие люди не то что не отвернулись, а стали моей опорой в эти 18 месяцев. На самом деле, в моей жизни никогда не было столько поддержки, сколько я чувствую сейчас. Я благодарна каждому.

Когда я выйду на свободу, я первым делом крепко обниму сестру, позвоню маме и скажу, что люблю ее. Поеду к водоему или в бассейн и буду весь день, сидя в воде, висеть на телефоне и говорить спасибо тем, что был все это время рядом. А потом пойду искать работу.

Сначала я не хотела предать огласке свое дело, но 12 лет все изменили. Мне и сейчас страшно. Думаю, что за публикациями последуют новые уголовные дела, начнется давление через бытовые вещи и общение с родными, резкий этап в самую далекую колонию...

Что у них там еще в арсенале? Боюсь безграничной власти ФСБ и того, что они могут что-то сделать с родными. Но, в отличие от меня 18 месяцев назад, я сейчас знаю, что молчанием свободу не купишь.

Люди, которые мне пишут, переживают, помогают мне, имеют право знать хоть что-то обо мне. Люди, кто верит, что 12 лет не могут дать всего за 5 тысяч рублей, должны знать, что могут и дают.

А еще я не хочу больше быть просто безмолвной жертвой режима. Хочу, оглядываясь назад, знать, что сделала все, что могла, ну или хотя бы попыталась.

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. «Печатники».
2. Крупная германская компания, предлагающая программы для автоматизированного управления предприятием: бухучетом, персоналом, логистикой и т. д.
3. Следственного управления.
4. Судебного следствия. Стадия процесса, когда суд изучает доказательства по делу.